

Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина, М. В. Лесняк
Ростов-на-Дону, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Изучение особенностей жанровой системы парламентского дискурса относится к актуальным проблемам лингвистики, поскольку отражает социальную значимость использования языка в политических целях. Как дискурс и институты, так и жанры и институты являются взаимно конститутивными и приобретают легитимность в пределах речевого сообщества. Несмотря на свою неоднозначность, понятие «жанр» включает важную информацию о характере, масштабах и функциях парламентского дискурса. Дискурсивное взаимодействие парламентариев определяется их институциональными ролевыми обязательствами, диалогической формой институционального противостояния и осознанием действия перед и от имени многоуровневой аудитории. Например, парламентские дебаты предназначены для достижения ряда конкретных институциональных целей, а именно: утверждения позиции, убеждения, ведения переговоров, установления повестки дня, выработки мнения, как правило, по идеологической или партийной принадлежности. В статье предпринимается попытка выявить поджанры в дискурсивном поле британского и немецкого парламентов и описать их основные сходства и различия. В центр исследовательского внимания попадают разнообразные формы дискурсивного взаимодействия, разработанные для осуществления контроля парламента над правительством, такие как интерpellация, устные и письменные вопросы, время вопросов и опрос правительства. Анализ показывает, что набор поджанров, входящих в состав парламентского дискурса, не является универсальным и зависит от типа парламентского устройства. Так, поджанр «Время вопросов» отличается от дебатов тем, что политики имеют больше возможностей проявить свою речевую личность в силу спонтанности речи, при этом полемическая составляющая уравнивается стратегиями вежливости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; бундестаг; палата общин; поджанр; депутат; правительство.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Матвеева Галина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, к. 409; e-mail: gegemat2337633@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344072, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, к. 415; e-mail: irinazyubina@gmail.com.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лесняк Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93, к. 21; e-mail: mvlesnyak@sfsu.ru.

Понятия «дискурс» и «жанр», хотя и являются нечеткими и спорными, играют центральную роль в изучении практики взаимодействия в таких институтах, как, например, парламент. Современные дискурсивно-аналитические подходы рассматривают дискурс как использование языка в отношении к социальным, политическим и культурным образованиям, т. е. как язык, не только отражающий социальный порядок, но и формирующий его с помощью регулирования взаимодействия индивидов с обществом [Jaworski, Coupland 1999: 3]. Это определение, безусловно, может применяться и к парламентскому дискурсу.

Как дискурс и институты, так и жанры и институты являются взаимно конститутивными и приобретают легитимность в пределах речевого сообщества. Несмотря на свою неоднозначность, понятие «жанр» включает важную информацию о характере, масштабах и функциях парламентского дискурса. С прагматического точки зрения парламентский дискурс относится к жанру политического дискурса. Как таковой он отображает определенные институционализированные дискурсивные особенности и ритуализированные стратегии взаимодействия при со-

блюдении и/или обходе ряда конкретных правил и ограничений. Дискурсивное взаимодействие парламентариев определяется их институциональными ролевыми обязательствами, диалогической формой институционального противостояния и осознанием действия перед многоуровневой аудиторией и от ее имени. Например, парламентские дебаты предназначены для достижения ряда конкретных институциональных целей, а именно: утверждения позиции, убеждения, ведения переговоров, установления повестки дня, выработки мнения, как правило, по идеологической или партийной принадлежности.

С точки зрения риторики парламентский дискурс принадлежит к совещательному жанру политической риторики и определяется как ораторский дискурс, ориентирующий на аудиторию, которой требуется принять решение, оценив преимущества и недостатки будущего курса действий. Также присутствуют элементы, характерные для судебных и эпидейктических жанров, хотя и в меньшей степени. Это подтверждает мнение о том, что жанры, определенные Бахтиным, являются гетерогенными, т. е. неоднородными [Бахтин 1996 http]. Одна из важных

функций, выполняемая членами парламента, — это содействие в решении задач, связанных с юридическими и политическими вопросами, а также процессами принятия решений. Основным стимулом для активного участия парламентариев в дебатах является постоянная необходимость продвигать свой собственный имидж в конкурентном и ориентированном на результат институциональном взаимодействии. Дискурс членов парламента призван поставить под сомнение идеалы оппонентов, речь идет о политическом доверии и моральном профиле, при одновременном повышении своего собственного имиджа в попытке установления баланса между логической и эмоциональной составляющими.

Жанр парламентского дискурса представлен несколькими поджанрами, такими как заявления министра, выступления, дебаты, малые и большие информационные запросы (интерпелляции), устные/письменные вопросы, время вопросов и опрос правительства. Данный набор не является универсальным и может варьироваться в зависимости от типа парламентского устройства. Рассмотрим основные поджанры на примере британского и немецкого парламента. При этом подробному исследованию будут подвергнуты те поджанры, которые связаны с информационным взаимодействием между депутатами и правительством и которые были разработаны в качестве инструментов парламентского контроля (интерпелляции, устные/письменные вопросы, время вопросов и опрос правительства).

Устные **заявления министра** характерны для британского парламента и делаются в палате общин после обсуждения актуальных вопросов и перед повседневной повесткой. Их цель состоит в том, чтобы объявить новую политику или предоставить конкретную информацию о текущих или срочных политических вопросах. Министр выступает от имени правительства (поэтому такие заявления называются также правительственными заявлениями — *ministerial statement*), и он представляет на рассмотрение парламента официальные взгляды. Заявления могут быть по любому вопросу, начиная от нового объявления политики до важного национального или международного события или кризиса.

Парламентское **выступление** является традиционной формой как британского, так и немецкого политического дискурса. В палате общин все выступления адресованы председателю или вице-спикеру палаты, который выступает в качестве председателя, в бундестаге — председателю (президенту) бун-

дестага. **Вступительное слово** — это первое выступление в прениях. Парламентские выступления зачастую носят конфронтационный характер с требованием соблюдения этических норм [Косовцева 2012: 84—85]. Так как выступление заранее согласуется с руководителем/председателем фракции, то оно имеет аргументативно-аналитическую структуру [Константинова 2013: 10] и направлено на самопрезентацию и презентацию политиков.

Парламентские **дебаты** в общих чертах описываются как официальное обсуждение по конкретной теме, которое строго контролируется институциональным набором правил. Стиль дебатов в парламенте традиционно основывается на таком понятии, как «cut-and-thrust», т. е. «пикировка, оживленный спор»: требуется слушать выступления других членов парламента и спонтанно вмешиваться в высказывания противников. Поджанр парламентских дебатов является одним из наиболее изучаемых лингвистами, так как актуальные исследования европейского парламентского дискурса сосредоточены на весьма злободневных вопросах, обсуждаемых в национальных парламентах. Повторяющейся темой дебатов являются вопросы иммиграции, например, вопросы легитимации высылки нелегальных иммигрантов в испанском парламенте [Martín Rojo, van Dijk 1997; Martín Rojo 2000], или аргументация и контраргументация в итальянских парламентских дебатах (по вопросам иммиграции) [ter Wal 2000], или споры об иммиграции и национальности во французском парламенте [Vander Valk 2000b], или споры о нелегальных иммигрантах, предоставлении убежища и интеграции в голландском парламенте [Vander Valk 2002], или дебаты об условиях размещения и проживания мигрантов в немецком парламенте [Белова 2014]. Ряд актуальных исследований посвящен теме «украинского кризиса» в британском парламенте [Зюбина, Матвеева, Лесняк 2015а; Зюбина, Матвеева, Лесняк 2015б] и в немецком парламенте [Алферов, Белова, Кустова 2014; Алферов, Журавлева 2014]. Также были исследованы тесно связанные темы: отличительные черты парламентских дискурсов по национальным проблемам в шести европейских государствах [Wodak and Van Dijk 2000], региональный парламентский дискурс в Северной Ирландии по поводу использования ольстер-шотландского и ирландского языков наряду с английским в официальных процедурах [Wilson, Stapleton 2003].

Особое место в жанровой системе парламентского дискурса занимают поджанры, связанные с парламентским контролем дей-

ствующего правительства. Обратимся к **малым и большим информационным запросам**, являющимся одной из наиболее часто применяемых в бундестаге парламентских процедур, иначе называемым **интерпелляцией**. Все запросы направляются федеральному президенту Германии, который в свою очередь перенаправляет их правительству. Малые запросы подлежат исключительно письменному ответу, который также публикуется на официальном сайте парламента, в то время как большие запросы выносятся на обсуждение в парламентских дебатах, поскольку они, как правило, касаются важных и злободневных политических тем. Интерпелляцию также называют «короткие дебаты». С их помощью оппозиционная партия (или эквивалентное ей количество депутатов парламента) может вызвать дискуссию по актуальной проблеме или поставить вопрос, отражающий общественное беспокойство.

Так как ответы на вопросы становятся достоянием общественности, то цель интерпелляции состоит также в привлечении внимания к действиям правящего правительства и в выражении доверия/недоверия определенной фракции к ним (для подачи интерпелляции требуется как минимум пять процентов депутатов или фракция). Так, например, одна из оппозиционных действующему немецкому правительству фракция «левых» часто подает запросы по теме беженцев, обостряя тем самым обсуждение данной темы, подвергая сомнению линию правительства в сфере миграционной политики. Если поджанр дебатов характеризуется редуцированной спонтанностью и допускает нарушения регламента [Матвеева, Лесняк, Зюбина 2015: 163], то основное отличие интерпелляции состоит в отсутствии спонтанности речи, обусловленной более жесткой регламентированностью коммуникативных процессов в рамках данной типизированной ситуации общения.

Поджанр **устные и письменные вопросы** является общим для немецкого и британского парламента. В его рамках свое право контроля правительства могут реализовывать отдельные политические персоны. Так, в немецком парламенте каждый депутат может задать до четырех вопросов в месяц письменно. В отличие от стратегий допроса во время суда, которые предназначены для выявления конкретных ожидаемых ответов и исключения неподходящих ответов, стратегии парламентских вопросов не предназначены для выявления конкретных ответов, а, скорее, нужны для того, чтобы смутить ответчика и/или бросить ему вызов. Исчерпы-

вающий набор правил, касающихся формы, содержания и сферы охвата поджанра «устные и письменные вопросы», изложен Э. Мэйем [May 1997]. Одно из этих правил гласит, что ни вопросы, ни ответы не должны поддерживаться рассуждениями, которые могут привести к возникновению противоречий. Существуют правила, которые относятся к нормам парламентских вопросов, в то же время другие правила определяют темы, по которым можно задавать вопросы.

По мнению Франклина и Нортон [Франклин, Нортон 1993: 112], устные вопросы задают в первую очередь тогда, когда публичность является желательной для члена парламента, в то время как письменные вопросы задаются, когда основная цель состоит в том, чтобы получить информацию. Вопрос, как правило, является поводом для нападения или похвалы правительства и включает в себя информацию, которая уже известна.

Похвала может звучать и в адрес третьих лиц. Так, например, парламентарий Эндрю Стивенсон задает Терезе Мэй единственный вопрос, являющийся, скорее, просьбой поздравить британские компании, которые участвовали в аэрошоу [House of Commons Hansard. 20.07.2016]. Цели получить какую-либо новую информацию в данном случае нет:

Andrew Stephenson: *Aerospace is important not just to Pendle, however, but to the whole UK economy, so will the Prime Minister congratulate all the companies that attended the Farnborough airshow last week on the deals they signed, and does she agree that the nearly £100 billion of trade deals already done this year demonstrates that Britain is very much still open for business?*

Как видно, Тереза Мэй абсолютно согласна с предыдущим вопросом-заявлением и лишь подтверждает заслуги аэропромышленности Великобритании:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *My hon. Friend is absolutely right that Britain is open for business, and I know what an important role the aerospace industry plays in his constituency, as he pointed out with his reference to Rolls-Royce, and in constituencies across the country. I also know of the importance of the Farnborough airshow. My hon. Friend the Member for Aldershot (Sir Gerald Howarth) was telling me last night what a great airshow it was.*

Интенцию нападения в поджанре устных вопросов проиллюстрируем на примере немецкого парламента. Так, депутат оппозиционной правительству Партии левых Ютта Крелльманн задает вопрос о цели встречи,

проведенной федеральным министром Андреа Налес совместно с парламентским статс-секретарем Габриэль Лёзекруг-Мёллер и 15 приглашенными гражданами 30 июня 2016 года [Plenarprotokolle 18/182, S. 17923]. Из развернувшейся дискуссии вполне очевидно, что парламентарии хорошо известны, и что это была за встреча, и какие дополнительные вопросы там рассматривались:

Jutta Krellmann (DIE LINKE): *Vielen Dank, Frau Staatssekretärin. — Meine Nachfrage lautet: Warum haben Sie die Betroffenen erst zwei Tage nach dem Kabinettsbeschluss eingeladen? Im Grunde liegt doch die Vermutung nahe, dass mögliche Erkenntnisse, die Sie in dem Gespräch gewonnen haben, gar keine Berücksichtigung mehr finden konnten.*

Jutta Krellmann (DIE LINKE): *Vielen Dank. — Für mich bleibt trotzdem der Eindruck, dass das eine Art Showveranstaltung gewesen ist. Die Frage ist: Nach welchen Kriterien wurden denn die Teilnehmer dafür ausgewählt?*

Katrin Werner (DIE LINKE): *Ich möchte mich noch einmal auf den 30. Juni beziehen. Ich finde es zwar gut, wenn die Ministerin die Gespräche fortsetzt. Aber so, wie Sie es dargestellt haben, hörte es sich an, als ob das Teil eines langen Konzeptes und eines Marketingplans wäre. Das provoziert mich zu der Frage, ob Sie mir recht geben könnten, dass das Gespräch, das am 30. Juni stattfand, vielmehr die Antwort auf Demos oder Mahnwachen war, die drei Wochen lang vor dem Ministerium stattgefunden haben.*

Реплики отражают критику политической линии, проводимой в отношении людей с ограниченными возможностями, что подчеркивается следующими лексемами: *keine Berücksichtigung, eine Art Showveranstaltung, das Teil eines langen Konzeptes und eines Marketingplans*. Таким образом, вопрос был задан не с целью получения информации, а с целью скомпрометировать представителей правительства. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что основной целью данного поджанра является продвижение персонального политического имиджа, что обуславливается основным отличием данного поджанра от интерpellации — индивидуальным адресантом.

Одной из прототипических форм парламентского дискурса в различных европейских парламентах является «**время вопросов**»: «Question Time» в британском парламенте, «Question Period» в канадском парламенте, «Frågestund» в шведском риксдаге, «Questions au Gouvernement» во французском парламенте, «Heure des questions» в бельгийском парламенте, «Fragestunde» в немецком бундестаге. Данная процедура

была введена в Европейском парламенте в 1973 г. «Время вопросов» является специфической сессией, во время которой члены парламента задают вопросы руководящим представителям правительства (премьер-министру и/или министрам) от имени своих коллег. Ответы на вопросы даются в устной форме, при этом могут быть заданы дополнительные вопросы как инициатором, так и другими присутствующими.

Рассмотрим первое для Терезы Мэй в новой должности премьер-министра Великобритании «Время вопросов» в британском парламенте от 20 июля 2016 г. [House of Commons Hansard. 20.07.2016], где участвовали 18 представителей палаты общин, из которых 17 парламентариев задали по одному вопросу, и лишь Джереми Корбин, лидер официальной оппозиции Ее Величеству и лидер Лейбористской партии, выступил шесть раз.

Отличительной чертой всех рассматриваемых вопросов является обращение к Терезе Мэй как представителю правительства в третьем лице:

Imran Hussain: *In her first statement from the steps of Downing Street, the Prime Minister stated that she would lead a Government who would work for everyone. Since she became Prime Minister, I have tried unsuccessfully to get assurances on the continuation of the northern schools strategy and the £80 million set aside for it. Will she give me that commitment today so that children in Bradford and the north can have the same chances as those in London and the south?*

Похожий процесс происходит и тогда, когда Тереза Мэй говорит о своей собственной стране:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *This country will make a success of Brexit, because we will be out there in the world as an outward-looking, expansive country, with opportunities around the globe.*

Члены правительства несут ответственность за свои политические намерения, высказывания и действия перед другими депутатами парламента. Порядок, в котором задаются вопросы, предварительно устанавливается в результате случайного выбора. Спикер вызывает членов парламента, желающих задать вопросы:

Mr Speaker: *Finally, I call Mr Tim Farron.*

Первый вопрос об обязанностях премьер-министра всегда предсказуем. Например, так начинается заседание:

John Glen: *I warmly welcome the Prime Minister to her place. Given her unwavering commitment to delivering economic stability and national security in our United Kingdom's inter-*

est, does she welcome Monday's emphatic vote in this House for the Trident Successor programme, and will she ensure that economic stability and national security remain the guiding principles of her premiership?

В поджанре «Время вопросов» реализуется со стороны членов оппозиции агональность как имманентная характеристика парламентского дискурса. Этот поджанр даже называют «a face-threatening genre» («жанр угрозы в лицо») [Pérezde Ayala 2001: 147]. Фиксируются даже эксплицитные обвинения в адрес оппозиционной партии от лица парламентария, задающего вопрос:

Stuart Andrew: ... *Does my right hon. Friend agree that it is the Government's job to fight for such opportunities for the people of Britain, because the Labour party are too busy fighting each other?*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *My hon. Friend puts it very well —*

и от лица премьер-министра, отвечающей на вопрос:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *The right hon. Gentleman referred to the remarks I made. It is correct that if you are black, you will be treated more harshly in the criminal justice system. That is exactly why, as Home Secretary, I dealt with the issue of stop and search. I was concerned to make sure that nobody should be stopped and searched on the streets of this country because of the colour of their skin. I did that as a Conservative; in 13 years, Labour did nothing on it.*

Подобные примеры обнаруживаются и в стенограммах заседаний бундестага [Plenarprotokolle 18/182, S. 17915]:

Niema Movassat (DIE LINKE): ...*Deshalb frage ich Sie, ob Deutschland nur sozusagen passiver Teilnehmer war oder ob Deutschland, also die Bundesregierung, in den Gremien der EU eine treibende Kraft war und dieses Vorhaben — Entwicklungsgelder für Militärisches auszugeben — politisch unterstützt.*

Однако частое использование таких актов уравнивается широким спектром стратегий вежливости. Например:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *Perhaps I could put the right hon. Gentleman straight.*

Вежливая форма обращения постепенно стала традиционной. Приведем подобные примеры обращений из ответов Терезы Мэй: *I thank my hon. Friend for his kind remarks. I thank the right hon. Gentleman for the welcome he has given me. I thank the hon. Lady for her welcome.*

Стратегия вежливости, применяемая в данном поджанре, также обнаруживаются в немецком парламентском дискурсе: *Wie wür-*

den Sie das heute sehen? (Uwe Kekeritz); Darauf antworte ich gerne, Vielen Dank für die Frage, Frau Abgeordnete Werner (Gabriele Lösekrug-Möller).

Поджанр «Время вопросов» отличается спонтанностью речи, обуславливающей проявление языковой/речевой личности политика, в отличие от подготовленных выступлений, которые в основном пишутся спичрайтерами. В этой связи следует отметить, что в поджанре «Время вопросов» Терезу Мэй отличает некоторая резкость и выпячивание собственного «я». Так, в ответ на мягкое дружелюбное высказывание-воспоминание Тима Фэрона она несколько резко превозносит свои собственные достижения:

Tim Farron: *You are all very, very kind. May I, genuinely, warmly welcome the Prime Minister to her position? She has come a long way since we were on the hustings together in North West Durham, and she is no doubt reflecting on the fact that she is receiving more support in the Chamber than either of us received in Consett working men's club. ...*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): ... *Little did the voters of North West Durham know that the two unsuccessful candidates in that election would become leaders of two of the country's political parties, although I would point out to the hon. Gentleman that my party is a little bit bigger than his.*

О личностной ориентированности, или «я»-центрированности, речевого поведения Терезы Мэй можно судить и по высокой частотности личного местоимения *I* (79 примеров), его производных *me*, *my* (11 примеров) и инклюзивного личного местоимения *we* (и его форм *us*, *our*) (71 пример):

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *I am sure that the whole House will wish to join me in welcoming today's employment figures, which show employment at another record high, the lowest unemployment rate in over a decade and wages rising. This morning I had meetings with ministerial colleagues and others, and in addition to my duties in this House I shall have further such meetings later today. This afternoon, I will travel to Berlin to meet Chancellor Merkel to discuss how we implement the decision that the British people took in the referendum, and I expect we will also cover a number of other pressing international issues. Tomorrow, I will visit Paris for similar discussions with President Hollande.*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *I thank my hon. Friend for his kind remarks. I join him in enthusiastically welcoming the vote taken in this House on Monday evening to renew our nuclear deterrent. I think that vote showed the commitment of this House: it sho-*

wed that we have not only committed to our own national security, but considered the security of European and NATO allies. We can now get on with the essential job of renewing our nuclear deterrent. May I thank the 140 Labour Members of Parliament who put the national interest first and voted to renew the nuclear deterrent?

Об импульсивности нового премьер-министра Великобритании говорит и некоторое нарушение протокола. Так, не дожидаясь нового вопроса, после довольно резкого ответа Тереза Мэй сама переходит в нападение, инициируя последующий вопрос:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *Finally, I say to the right hon. Gentleman that the Labour party may be about to spend several months fighting and tearing itself apart; the Conservative party will be spending those months bringing this country back together.*

Hon. Members

More!

Mr Speaker: *There will be more. I call Sir Edward Leigh.*

Об уверенности Терезы Мэй в процессе коммуникации говорит и использование эмфатического *do* и его производных:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *I did discuss arrangements in relation to the negotiations for the United Kingdom leaving the EU with the First Minister, and I was very pleased that my first trip was a trip to Scotland and that I was able to do that so early in my premiership.*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *She is absolutely right: extremism does take many forms.*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *I thank the hon. Gentleman, and I do indeed remember the conversation in which he said that I would, as he put it, "trounce the men".*

Как видно, поджанр «Время вопросов» отличается от дебатов тем, что политики имеют больше возможностей проявить свою речевую личность в силу спонтанности речи, при этом полемическая составляющая уравновешивается стратегиями вежливости.

В немецком парламенте выделяется еще один поджанр «Актуальный час», который, как правило, продолжает «Время вопросов» в том случае, если депутаты не удовлетворились ответами членов правительства. Однако «Актуальный час» может быть назначен и независимо от «Времени вопросов», чтобы выразить мнение на актуальную тему. При этом время доклада ограничено пятью минутами, количество докладчиков также строго регламентируется. Тем самым снижается уровень спонтанности и конфронтационности по сравнению с «Временем вопросов».

Наиболее компактной формой информирования членов немецкого парламента является «**опрос правительства**», еженедельно проходящий на пленарном заседании после кабинетного совещания правительства. Он длится около 30 минут и служит для первоначального информирования депутатов.

Таким образом, жанровая система парламентского дискурса с ее поджанровым многообразием является специфичной для конкретного парламентского устройства.

ИСТОЧНИКИ

1. Drucksache 18/9338. 18. Wahlperiode. Aktuelle asylpolitische Fragen in Bezug auf Ungarn. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809338.pdf> (date of access: 12.08. 2016).
2. Drucksache 18/9302. 18. Wahlperiode. Zahlen in der Bundesrepublik Deutschland lebender Flüchtlinge zum Stand 30. Juni 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809302.pdf> (date of access: 1.08. 2016).
3. Drucksache 18/9324. 18. Wahlperiode. Proteste gegen und Übergriffe auf Flüchtlingsunterkünfte im zweiten Quartal 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809324.pdf> (date of access: 10.08. 2016).
4. House of Commons Hansard. 20.07.2016. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2016-07-20/debates/16072025000019/Engagements> (date of access: 31.07. 2016).
5. Plenarprotokoll 18/182. Deutscher Bundestag. 182. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 6. Juli 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18182.pdf> (date of access: 01.08. 2016).

ЛИТЕРАТУРА

6. Алферов А. В., Белова В. Ф., Кустова Е. Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 21—26.
7. Алферов А. В., Журавлева Т. П. Аксиологические поля как отражение изотопии парламентского дискурса // Вестник ПГЛУ. 2014. № 3, ч. 1. С. 78—81.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. / М. М. Бахтин. — М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159—206. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 04.05. 2016).
9. Белова В. Ф. Лингвопрагматические черты немецкого парламентского дискурса (на материале запроса-заявления партии и дебатов в Бундестаге) // Вестн. ПГЛУ. 2014. № 2. С. 63—67.
10. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2015а. № 4. С. 187—192.
11. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Манипулятивно-смысловые усложнения синтаксиса высказывания на материале парламентских выступлений Великобритании // Изв. ЮФУ. Филологические науки. 2015б. № 4. С. 107—114.
12. Константинова А. С. Публичная парламентская речь в современной Германии и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Константинова Анна Сергеевна. — Пятигорск, 2013. 31 с.
13. Косовцева А. В. Дискурс британских парламентских дебатов, его системообразующие признаки // Lingua mobilis. 2012. № 4. С. 82—88.
14. Матвеева Г. Г., Лесняк М. В., Зюбина И. А. Парламентаризм в Германии и прагмалингвистические особенности изучения немецкой парламентской коммуникации // Вестн. ПГЛУ. 2015. № 3, ч. 1. С. 161—165.
15. Franklin M., Norton P. Parliamentary questions. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 1993.
16. Jaworski A., Coupland N. The discourse reader. — London; New York: Routledge, 1999. 576 p.
17. Martín Rojo L. Spain, outer wall of the European fortress: Analysis of parliamentary debates on immigration policy in Spain // Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria: Drava Verl., 2000. 391 p. (Ch. 6).

18. Martín Rojo L., van Dijk T. 'There was a problem and it was solved': Legitimizing the expulsion of illegal immigrants in Spanish Parliament // *Discourse & Society*. 1997. № 8(4). P. 523—566.

19. May T. E. Erskine May's Treatise on The Law, Privileges, Proceedings and Usage of Parliament. 22nd ed. / ed. by Sir D. Limon and W.R. McKay. — London : Butterworths, 1997. 496 p.

20. Wal, ter J. Italy: sicurezza e solidarietà // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p. (Ch. 10).

21. Valk, van der J. Interruptions in French debates on immigration // *The semiotics of racism* / R. Wodak and M. Reisigl (eds.). — Vienna : Passagenverlag, 2002.

22. Valk, van der J. Parliamentary discourse on illegal immigrants, asylum and integration: The case of Holland // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p. (Ch. 8).

23. Wilson J., Stapleton K. Nation-state, devolution and the parliamentary discourse of minority languages // *Journ. of Language and Politics*. 2003. № 2 (1). P. 5—30.

24. Wodak R., van Dijk T. Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states. — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p.

25. Pérez de Ayala, Soledad. FTAs and Erskine May: Conflicting needs? — *Politeness in Question Time* // *Journ. of Pragmatics*. 2001. № 33. P. 143—169.

G. G. Matveeva, I. A. Zyubina, M. V. Lesnyak
Rostov-on-Don, Russia

PECULIARITIES OF PARLIAMENTARY DISCOURSE GENRE SYSTEM

ABSTRACT. *The study of the genre system of parliamentary discourse refers to the current problems of Linguistics, as it reflects social significance of the use of language for political purposes. Like discourse and institutions, genres and institutions are mutually constitutive and acquire legitimacy within a speech community. In spite of its controversy, the notion of 'genre' can offer important insights into the nature, scope and functions of parliamentary discourse. Discursive interaction of parliamentarians is determined by their institutional role obligations, dialogical form of institutional confrontation and awareness of their actions before and on behalf of a multi-level audience. For example, parliamentary debates are focused on achieving a number of specific institutional goals, namely the approval of somebody's point of view, persuasion, negotiation, setting the agenda, developing an opinion, as a rule, for ideological or party affiliation. The article attempts to identify subgenres in the discursive field of the British and German parliaments and to describe their main similarities and differences. In the research center there are various forms of discursive interaction, developed for parliamentary control over the government, such as interpellation, oral and written questions, Question Time and questions for the government. The analysis shows that a set of subgenres making up the parliamentary discourse is not universal and depends on the type of the parliament. Thus, the subgenre "Question Time" is different from the debates by the fact that politicians have more opportunities to express their speech personality because of speech spontaneity. While polemical elements are balanced with the help of politeness strategies.*

KEYWORDS: *parliamentary discourse; the Bundestag; the House of Commons; subgenre; MP; Government.*

ABOUT THE AUTHOR: *Matveeva Galina Grigor'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of German Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zyubina Irina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lesnyak Marina Valerjevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Theory and Practice of the German Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

REFERENCES

1. Drucksache 18/9338. 18. Wahlperiode. Aktuelle asylpolitische Fragen in Bezug auf Ungarn. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809338.pdf> (date of access: 12.08. 2016).
2. Drucksache 18/9302. 18. Wahlperiode. Zahlen in der Bundesrepublik Deutschland lebender Flüchtlinge zum Stand 30. Juni 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809302.pdf> (date of access: 1.08. 2016).
3. Drucksache 18/9324. 18. Wahlperiode. Proteste gegen und Übergriffe auf Flüchtlingsunterkünfte im zweiten Quartal 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809324.pdf> (date of access: 10.08. 2016).
4. House of Commons Hansard. 20.07.2016. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2016-07-20/debates/16072025000019/Engagements> (date of access: 31.07.2016).
5. Plenarprotokoll 18/182. Deutscher Bundestag. 182. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 6. Juli 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18182.pdf> (date of access: 01.08. 2016).
6. Alfërov A. V., Belova V. F., Kustova E. Yu. Agonal'nost' parlamentskoy kommunikatsii (na materiale debatov v nemetskom parlamente) // *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 4. S. 21—26.
7. Alfërov A. V., Zhuravleva T. P. Aksiologicheskie polya kak otrazhenie izotopii parlamentskogo diskursa // *Vestnik PGLU*. 2014. № 3, ch. 1. S. 78—81.
8. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // *Sobr. soch. / M. M. Bakhtin*. — M. : Russkie slovari, 1996. T. 5. S. 159—206. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (data obrashcheniya: 04.05. 2016).

9. Belova V. F. Lingvopragmaticheskie cherty nemetskogo parlamentskogo diskursa (na materiale zaprosa-zayavleniya partii i debatov v Bundestage) // *Vestn. PGLU*. 2014. № 2. S. 63—67.

10. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Kommunikativnye strategii manipulirovaniya v parlamentskom diskurse // *Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta*. 2015a. № 4. S. 187—192.

11. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Manipulyativno-smyslovye uslozhneniya sintaksisa vyskazyvaniya na materiale parlamentskikh vystupleniy Velikobritanii // *Izv. YuFU. Filologicheskie nauki*. 2015b. №4. S. 107—114.

12. Konstantinova A. S. Plachnaya parlamentskaya rech' v sovremennoy Germanii i Rossii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / Konstantinova Anna Sergeevna. — Pyatigorsk, 2013. 31 s.

13. Kosovtseva A. V. Diskurs britanskikh parlamentskikh debatov, ego sistemoobrazuyushchie priznaki // *Lingua mobilis*. 2012. № 4. S. 82—88.

14. Matveeva G. G., Lesnyak M. V., Zyubina I. A. Parlamentarizm v Germanii i pragmalingvisticheskie osobennosti izucheniya nemetskoy parlamentskoy kommunikatsii // *Vestn. PGLU*. 2015. № 3, ch. 1. S. 161—165.

15. Franklin M., Norton P. Parliamentary questions. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1993.

16. Jaworski A., Coupland N. The discourse reader. — London ; New York : Routledge, 1999. 576 p.

17. Martín Rojo L. Spain, outer wall of the European fortress: Analysis of parliamentary debates on immigration policy in Spain // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verl., 2000. 391 p. (Ch. 6).

18. Martín Rojo L., van Dijk T. 'There was a problem and it was solved': Legitimizing the expulsion of illegal immigrants in Spanish Parliament // *Discourse & Society*. 1997. № 8(4). P. 523—566.

19. May T. E. Erskine May's Treatise on The Law, Privileges, Proceedings and Usage of Parliament. 22nd ed. /ed. by Sir D. Limon and W.R. McKay. — London : Butterworths, 1997. 496 p.

20. Wal, ter J. Italy: sicurezza e solidarietà // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p. (Ch. 10).

21. Valk, van der J. Interruptions in French debates on immigration // *The semiotics of racism* / R. Wodak and M. Reisigl (eds.). — Vienna : Passagenverlag, 2002.

22. Valk, van der J. Parliamentary discourse on illegal immigrants, asylum and integration: The case of Holland // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p. (Ch. 8).

23. Wilson J., Stapleton K. Nation-state, devolution and the parliamentary discourse of minority languages // *Journ. of Language and Politics*. 2003. № 2 (1). P. 5—30.

24. Wodak R., van Dijk T. Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states. — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p.

25. Pérez de Ayala, Soledad. FTAs and Erskine May: Conflicting needs? — Politeness in Question Time // *Journ. of Pragmatics*. 2001. № 33. P. 143—169.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. В. Алферов.